

Олег КУЗНЕЦОВ,
кандидат исторических наук (Москва)

Кенгерли в документах российской администрации на Кавказе

(историко-правовой очерк)

*Боевое знамя Конницы Кенгерли (Фонд оружия
и знамен Национального музея истории
Азербайджана, инв.№471).*

На территории современного Азербайджана в годы господства Российской империи не было другого племени, которое занимало бы умы местной администрации больше, чем кенгерлинцы или кенгерли (в официальных документах XIX столетия встречается и иное написание его названия – «кянгерлы», и это связано с тем, что в рядах Отдельного Кавказского корпуса российской армии с 1829 по 1856 год существовало и многократно прославило себя на поле боя иррегулярное воинское формирование, комплектуемое исключительно представителями этого субэтнуса, – «конница Кенгерлы»). **Кенгерлинцы на протяжении второй четверти XIX века представляли собой исключительное с административно-военной и историко-правовой точки зрения социальное явление**, настолько яркое и самобытное, что для определения и последующего урегулирования их статуса неоднократно требовалось вмешательство всей властной вертикали российских властей, вплоть до императора Николая I.

Сразу же оговоримся: мы не ставим перед собой цели написать этнографический очерк этого племени и поэтому сосредоточим свое внимание только на анализе содержания нормативных и предшествовавших их появлению бюрократических актов, определявших полтора века назад специфическое (если не сказать исключительное) положение кенгерли среди

прочих мусульманских племен Закавказья. Основной массив этих источников был опубликован в «Актах, собранных Кавказской археографической комиссией» (АКАК) [1], но так и не стал предметом систематизации и научного осмысления. Поэтому данная статья является первой специальной работой такого рода, ставящей задачей показать на конкретно-историческом примере факт вариативности подходов российской имперской национальной политики на Кавказе в зависимости от специфики традиций и быта каждого конкретного народа или племени.

Кенгерлинцы перешли под власть Российской империи в 1828 году по итогам русско-персидской войны 1826-1828 гг., в соответствии с подписанным по ее итогам Туркманчайским мирным договором, по которому территория Нахчыванского ханства – регион расселения этого племени переходила под ее юрисдикцию. Впервые, согласно АКАК, кенгерлинцы упоминаются как «*нахичеванская конница Кенгерлы*» во Всеподданнейшем **рапорте генерала от инфантерии И.Ф. Паскевича на имя императора Николая I от 19 июня 1829 года, в котором описывается трехдневное сражение российского Отдельного Кавказского корпуса с турецкими войсками на Саганлугском хребте 15-17 июня**. Из текста документа явствует, что конница Кенгерлы вместе с черноморскими казаками образовывала Сводный казачий полк и в составе отряда иррегулярной конницы генерал-майора Сергеева сначала шла в авангарде русских войск, занимая лес по обоим склонам хребта и тем самым обеспечив возможность скрытого маневрирования основных сил корпуса, что в конечном итоге привело к победе, причем на последнем этапе сражения кенгерлинские всадники вместе с черноморскими казаками находились в голове колонны русских войск, совершившей охват фланга с последующим выходом в тыл основных сил османских войск [1, т. VII, с. 790-791, 794-795]. На протяжении всей кампании 1829 года в Азиатской Турции конница Кенгерлы действовала главным образом в составе Сводного казачьего полка, а **как самостоятельное подразделение участвовала лишь в Ольтинской экспедиции отряда подполковника князя М.З. Аргутинского-Долгорукого 18-20 сентября**, принимая непосредственное участие в окружении крепости Ольты и ее последующем обстреле, который привел к капитуляции гарнизона [1, т. VII, с. 824]. Как видим, с момента перехода в российское подданство кенгерлинцы воспринимались русским военным командованием и гражданской администрацией на Кавказе как община, основой благосостояния которой являлась исключительно военная или военно-полицейская служба.

Участие бок о бок кенгерлинцев и черноморских казаков в боевых действиях против османов в 1829 г. в составе Сводного казачьего полка как ни что иное свидетельствует о том,

что **это племя по своей социальной организации и положению среди остального населения нынешнего Азербайджана занимало обособленное положение, а по укладу жизни и правовому статусу резко отличалось от них**, образуя общественную корпорацию, не имевшую в первой половине XIX в. аналогов в мусульманской ойкумене Закавказья. Об этом наглядно свидетельствуют документы российской администрации на Кавказе. Отметим, что численность этого племени на рубеже первой и второй трети XIX столетия по официальным данным составляла 1270 семейств [1, т. IX, с. 143] или приблизительно 10000 человек.

Служба составляла содержание и смысл жизни кенгерлинцев, а честь и неразрывно с ней связанная верность данному слову или присяге служила нравственной доминантой их бытия, и ничто не могло заставить их отказаться от выполнения взятых на себя обязательств. **После присоединения азербайджанских земель к Российской империи кенгерлинцы были единственной общиной, вооруженные формирования которой находились на военной службе в составе войск Отдельного Кавказского корпуса на постоянной основе**, нередко выполняя ответственные и деликатные поручения, справиться с которыми российским солдатам или кавказским казакам было не под силу.

Почетное знамя, дарованное Коннице Кенгерлы за храбрость в боях (ФОЗ НМИА, инв.№472).

Примером могут служить события весны-лета 1837 года, случившиеся в Ордубаде и ставшие

Медаль в честь путешествия императора Николая I по Кавказу. Медаль вручалась и всадникам Конницы Кенгерли, принявшим участие в торжественном смотре перед императором (фото по книге: Д.А.Клочков. «Отличные храбростью... Собственный его Императорского Величества Конвой, 1829-1917». С-Пб., 2008.

причиной бурной бюрократической переписки, охватившей все ступени административной иерархии Российской империи – от Ордубадского окружного полицейского управления до Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

30 апреля в окрестностях Ордубада начал проповедывать прибывший из Персии мулла Мамед-Садук, уроженец села Вананд, личность, оказавшаяся довольно темной. По показаниям односельчан, он не имел никакого имущества, пропитание добывал работой переписчика; несколько лет отсутствовал, бросив на произвол судьбы жену и сына, но недавно вернулся и объявил себя если не новым пророком, то наместником пророка, в доказательство чего предъявлял печать с надписью «царь царей» (впоследствии при проведении расследования оказалось, что ее вырезал неизвестный местный ремесленник). Суть проповедей носила эсхатологический характер и сводилась к предсказанию скорого конца света и наступлению Страшного Суда, который случится в самом скором времени непременно в окрестностях Ордубада. Местные жители, введенные в заблуждение его проповедями, начали вооружаться, что не могло

не вызвать беспокойства у окружного наиба майора Ших-Али-бека и полицейского пристава штабс-капитана Воронченко, которые рапортовали управляющему Армянской областью генерал-майору князю В.О. Бебутову о возможных беспорядках. Ордубадская администрация была явно напугана перспективой оказаться в эпицентре народных волнений и своим бессилием предотвратить их, поскольку в ее распоряжении была только рота 4-го Грузинского линейного (пограничного) батальона в составе 120 человек и взвод казаков, несших таможенно-карантинную службу. Этих сил было явно недостаточно, чтобы противостоять многотысячной экзальтированной толпе в случае мятежа.

Генерал Бебутов рапортовал об опасности командующему Отдельным Кавказским корпусом барону Г.В. Розену, а тот, в свою очередь, – в Санкт-Петербург. Особую пикантность ситуации придавало то обстоятельство, что спустя несколько месяцев, в сентябре 1837 года, предстояла поездка на Кавказ императора Николая I. Но в конечном итоге тревоги военно-местной администрации оказались напрасны: как следует из секретного рапорта барона Розена на имя военного министра графа З.Г.Чернышева от

19 июля 1837 года, в **Ордубад прибыла сотня Кенгерлинской конницы под командованием майора Фарадж-аги, брата полковника Эхсан-хана, наиба Нахчыванского, взявшая «муллу Мамед-Садыка из среды нескольких тысяч мусульман, почитавших его святым, под арест, не употребляя для сего ни солдат, ни армян»,** и доставила арестанта в Эривань [1, т. VIII, с. 521, 523, 524]. Этот эпизод из истории Закавказья лучше всего характеризует кенгерли и то место, которое они занимали среди закавказских народов: все знали, что они способны пойти сотней против нескольких тысяч, выполнить приказ или умереть, а поэтому их оппоненты не стали противиться аресту своего предводителя. Что касается самого муллы Мамед-Садыка, то он по личному распоряжению императора Николая I от 17 августа 1837 года, отданному накануне инспекционной поездки на Кавказ, как лжепророк был этапирован «навсегда в арестантские роты в крепость Динабург».

Известия об этом ордубадском событии послужили причиной появления у императора Николая I, питавшего слабость к военным парадом и смотрам, провести во время своего путешествия по Кавказу строевой смотр Коннице Кянгерлы (так официально называлось вооруженное формирование кенгерлинцев в делопроизводстве Российской империи), который состоялся 5 октября 1837 года и произвел на монарха и его свиту самое благоприятное впечатление [2, с. 45]. Этот смотр был уникальным событием для военной истории России XIX века: **ни до, ни после него российский монарх в том столетии не принимал более парад «туземных» войсковых частей в местах их жительства, и тот факт, что Конница Кянгерлы была удостоена такой чести, свидетельствует о том, что российская военная администрация на Кавказе связывала с ней особые надежды.** Однако у монаршего благоволения Николая I к кенгерли была и обратная сторона: кавказской администрации следовало в знак поощрения выделить кянгерлинцев среди прочего населения Закавказья, но как это сделать, не вызывая недовольства, оставалось вопросом. На этот предмет велась активная и длительная бюрократическая переписка между Главным начальствующим на Кавказе генералом от инфантерии графом Е.А. Головиным, военным министром графом З.Г. Черныше-

вым, имперским наместником в Царстве Польском генералом-фельдмаршалом графом И.Ф. Паскевичем-Эриванским, считавшемся главным специалистом в России того времени по Кавказу, и императорской канцелярией. Переписка затянулась на несколько лет и завершилась 12 февраля 1840 года циркулярным письмом военного министра на имя Главного начальствующего на Кавказе, являвшимся не только образцом канцелярского красноречия, но и ярким примером вдумчивого подхода российских властей к ситуации на Кавказе:

«...Племя Кенгерлинцев, обязанное при персидском правительстве исключительно военными повинностями и службой при нахчыванском наибе, никогда не занималось торговлей или какой-либо промышленностью, но незначительным скотоводством и еще меньшим земледелием. **При персидском правительстве кенгерлинцы, освобожденные от всех податей, должны были иметь в готовности не менее 200 всадников для содержания пограничных караулов и отправления полицейской службы при наибе, который со своей стороны отпускал им за то некоторое пособие**

Всадник Мусульманского эскадрона СЕИВ Конвоя в парадной одежде. Белая парадная униформа Мусульманского (состоящего из азербайджанцев) эскадрона Собственного его Императорского Величества Конвоя, была составлена на основе парадной одежды Конницы Кенгерли, так понравившейся императору в 1837 году (по Д.А.Клочкову).

Келбали-хан Нахичеванский – первый из рода кенгерли и первый азербайджанец, учившийся в Пажеском Корпусе, награжден орденом Св.Георгия 4-й ст. и Золотым оружием

произведениями земли из общих сборов на сей предмет. С присоединением ... к России кенгерлинцы, оставаясь на тех же самых правах, продолжают и поныне содержать не менее 200 всадников, их которых небольшая часть, составляя почетную стражу наиба Эксан-хана, отправляет при нем местные служебные обязанности, а другие употребляются для содержания караулов по Араксу, в экспедициях против неприятеля и проч.

По сим причинам князь Варшавский (т.е. И.Ф. Паскевич-Эриванский – О.К.) находит, что кенгерлинцев нельзя сравнивать с прочими жителями Армянской области, которые хотя и содержат пограничные караулы, но, подобно кенгерлинцам, не конвоируют курьеров и транспорты в Персию и не посылаются с нужными бумагами к пограничным персидским начальникам. **По своей давней воинской привычке кенгерлинцы всегда готовы к вооружению, но зато подобный образ жизни естественно отвлекает их от земледелия** и не позволяет пользоваться избытками природы, которыми пользуются другие жители Армянской области.

Посему **кенгерлинцев, по мнению фельд-**

дмаршала, надо сравнивать с моафами, существующими в закавказских провинциях, которые обязаны по первому востребованию явиться на службу в оружии в руках и лошады. Кенгерлинцы и поныне несут те же обязанности. Но моафы избавлены за то от всех податей, а потому несправедливо было бы требовать и то и другое от кенгерлинцев, известных своей преданностью правительству и отличавшихся всегда мужеством и усердием. Князь Варшавский присовокупляет, что моафы, писеянские куртины (иранские курды – О.К.), кенгерли и некоторые кочующие племена за Кавказом вообще могли бы вообще составить иррегулярную конницу вроде наших донских казаков и были бы очень полезны на этом основании; но сперва от них надо собрать верные сведения и сделать расписание на полки, которые будут выходить на службу с собственным оружием и лошадьми без всякого пособия от правительства, исключая жалования, провианта и фуража за время действительного служения; когда же эта мера утвердится, ее можно будет распространить на прочих поселян.

Е.И.В. (Его Императорское Величество – О.К.), одобрив вполне заключение фельдмаршала князя Варшавского, Высочайше повелеть соизволил:

1) Простить кенгерлинцам недоимку податей с 1836 года, т.е. когда приостановлено было взискивание с них этой повинности.

2) Освободить их и впредь от платежа денежной подати, но хлебную взискивать на прежнем основании.

3) Вменить им за то в обязанность содержание того числа конницы, которое они доселе выставляли для пограничной стражи, службы при наибе, посылки курьеров, действий против неприятеля и направления нескольких всадников в действующую армию.

4) Предложение фельдмаршала относительно устройства из моафов, кенгерлинцев и некоторых кочующих племен за Кавказом иррегулярной конницы иметь в виду для постепенного приведения в исполнение, когда время и обстоятельства дозволят» [1, т. IX, с. 143-144].

Прочитанный документ содержит емкую и лаконичную характеристику социально-экономического положения кенгерлинцев в составе Российской империи в первые полтора десятилетия

тия после перехода под имперскую юрисдикцию в сравнении с остальным населением тогдашнего Азербайджана. Российская администрация поначалу пыталась довольно бесцеремонно эксплуатировать потенциал и ресурсы племени, используя вооруженные отряды и всадников для всех видов службы – государственной военной, фельдъегерской, курьерской для дипломатических нужд и земской (местной) – полицейской, погранично-таможенной, кордонно-санитарной, взыскивая при этом сверх службы все денежные и натуральные повинности. **Такое положение дел подрывало жизненные устои кенгерлинцев, которые объективно не могли выполнять своих обязанностей перед властями с прежним успехом и эффективностью**, а также выплачивать денежные сборы. Видя это, российские власти на Кавказе приостановили сбор налогов с племени, однако при этом записывая недоимку в долг. Но инцидент 1837 года с лжепророком Мамед-Садыком **продемонстрировал насущную необходимость наличия в распоряжении имперской администрации местной, «туземной», военной силы, которая была бы способна эффективно решать специфические задачи сообразно местным условиям, для выполнения которых российские солдаты или казаки были непригодны**. Поэтому кенгерлинцы по социально-имущественному признаку начинают получать корпоративные преференции, которых не было у остального населения. **Всадников племени приравнивают к полупривилегированному сословию моафов, остальных кенгерлинцев освобождают от уплаты денежных налогов**. При этом данная мера рассматривалась как промежуточная на пути предоставления всем кенгерли социального статуса моафов, мало чем отличающегося от статуса казаков в Российской империи.

К сожалению, действия российской администрации на Кавказе во второй трети XIX века не отличались последовательностью, чему немало способствовала частая смена главенствующих, поэтому многие социально-экономические преобразования, едва начавшись, до логического завершения зачастую не доводились. Так произошло и с идеей постепенного - «когда время и обстоятельства позволят» - уравнивания кенгерлинцев с казаками: в течение целого десятилетия, с 1840 по 1850 год, дело так и не

сдвинулось с мертвой точки. Все эти годы они **находились в довольно двусмысленном положении: с одной стороны, были обязаны личной военной службой, в силу чего подчинялись военному командованию, но при этом платили натуральные налоги, что относилось к компетенции местных гражданских властей**. Как это обычно бывает в условиях бюрократической несогласованности, страдали обе отрасли администрации: кенгерли и манкировали службой, и успешно уклонялись от уплаты налогов. Все это возбудило длившуюся несколько лет переписку между Нахчываном, Тифлисом и Санкт-Петербургом, пока за окончательное определение юридического положения племени не взялся лично граф М.С. Воронцов, назначенный кавказским наместником в 1844 году. Поводом для этого послужило стремление 309 семей кенгерлинцев, живущих непосредственно в Нахчыване, выйти из состава племени и записаться в сословие городских обывателей. Сделать это было непросто, поскольку мужчины находились в подчинении Военного ведомства Российской империи, и перевести их в гражданское сословие мог только император. Естественно, что все остальные представители кенгерли воспротивились такому решению своих соплеменников, не желая терять своих вольностей и привилегий, вследствие чего пришла в движение вся административная машина империи. Сначала из Петербурга запросили сведения об «отколовшихся» семьях кенгерлинцев, потом обо всем племени, а там уже и обо всех народах и сословиях Закавказья, обязанных личной военной службой государству. Когда все эти сведения были собраны, граф Воронцов свел их в единый доклад, представленный императору Николаю I 30 апреля 1850 года:

«... Из неоднократных осмотров кенгерлинцев нарочно посылавшимися для того от главноначальствующих в здешнем крае лицами и из донесений местных начальников оказывается, что нынешнее положение этого племени, подчиненного отчасти военному, отчасти гражданскому ведомству, представляет большие неудобства и препятствует извлечь какую-либо пользу от службы этого общества, ибо снаряжение на службу, требование, чтобы общество выставляло всадников хорошо вооруженных и на исправных лошадях, наконец, все предметы внутреннего

управления и устройства – все это принадлежит гражданскому начальству, а между тем от этого зависит исправность военной службы кенгерлинцев. Под предлогом подчинения двум ведомствам кенгерлинцы убегают почти всякого надзора, и все беспорядки по наряду на службу и на самой службе оказываются бесполезной перепискою между разными начальствами. Принося мало пользы на кордонной службе, кенгерлинцы бесполезны и как поселяне, ибо освобождены от разных податей и повинностей.

По всем этим соображениям представляется **полезным для правительства и даже выгодным для самого кенгерлинского общества освободить их от военной повинности, обратить в казенных поселян и обложить податями наравне с жителями городов, а деревенских – наравне с жителями Нахичеванского уезда.** А чтобы приохотить их вообще к военной службе на кордонной линии, то допустить из среды их наем охотников, по примеру того, как служат туземцы объездчиками по карантинно-таможенному ведомству, и в таком виде их служба будет полезнее и возбудит соревнование.

Совет Главного Управления Кавказского края, рассмотрев все это дело и признавая существующую необходимость причисления кенгерлинцев к податному сословию, присовокупляет, что на счет суммы, какая будет поступать за счет обложения кенгерлинцев податями, должны быть нанимаемы вольные стражники на кордонную линию, а равно удовлетворяемы фуражными и порционными деньгами те, кои будут наряжены для сопровождения дипломатических чиновников и служителей по сношениям нашим с Персией, – каковая обязанность лежит теперь на кенгерлинцах...» [1, т. X, с. 47-48].

Доклад графа М.С.Воронцова поступил на рассмотрение Кавказского комитета - межведомственного совета по управлению Кавказом, и был утвержден его решением от 31 октября 1850 года, но опять же с определенными оговорками: «*обращение кенгерлинцев в казенное податное состояние с причислением к городскому или сельскому сословию по их желанию*» должно было состояться «*с тем, однако, чтобы из сборов, которыми будут обложены кенгерлинцы, не только пополняемы были издержки на содержание соответственного числа людей для службы,*

Исмаил-хан Нахичеванский – герой обороны Баязета из рода кенгерли, награжден орденом Св.Георгия 4-й ст.

ныне к ним относящейся, но и удовлетворялись бы расходы по сельскому управлению, какое для местного их заведования будет устроено, без обращения сих издержек на ведомство государственных имуществ» [1, т. X, с. 51].

На первый взгляд, доклад ставит жирный крест на корпоративных привилегиях кенгерли, переводя представителей некогда обособленного в административном отношении племени в понятный и привычный для чиновничьего понимания разряд «обывателей» – городских или сельских, «по их желанию». Однако данный документ полон бюрократической казуистики, за буквой которой скрывается совершенно иной смысл, чем тот, который может представиться неискушенному читателю. **Суть доклада сводится к тому, что денежные и натуральные сборы с кенгерлинцев должны покрывать собой два вида государственных издержек – «издержки на содержание соответственного числа людей для службы, ныне к ним относящейся» и «расходы по сельскому управлению, какое для местного их заведования будет устроено».** Если перевести эту норму закона с бюрократического языка на русский, получается, что кенгерлинцы, **начиная с 1851 года, должны были за счет налогов с племени содержать 200 всадников, а также земскую (местную) администрацию, в управление которой они передавались.** Обязанность

по вооружению, снаряжению и обеспечению конским составом своего племенного вооруженного формирования они несли и до этого, начиная с 1828 г., т.е. с момента перехода под юрисдикцию России, а сельское управление кенгерлинцев формировалось не из кого-либо, а из их же беков и старейшин (агаларов), как правило, входивших в число все тех же 200 всадников. Единственное существенное изменение в 1850 году состояло в том, что **Конница Кенгерли, ранее подчинявшаяся военному ведомству, была переподчинена гражданскому управлению и, оставив прежние функции иррегулярной конницы военного времени, весьма неопределенные и не всегда понятные, стала решать вполне определенные и рутинные задачи полицейской, пограничной и таможенно-карантинной стражи в Нахчыванском уезде**, отнесенные к компетенции министерства внутренних дел и министерства государственных имуществ Российской империи. В реальности же **кенгерлинцы получили административную и фискальную автономию в рамках бюрократии Нахчыванского уезда и, сосредоточив в своих руках полицейские и иные «силовые» функции в приграничном по своему положению уезде**, в определенной мере обособились и от губернских властей в Эривани, которых такое положение дел абсолютно устраивало, памятуя о высокой степени лояльности кенгерлинцев к российской администрации на Кавказе.

Перевод в подчинение гражданскому ведомству, однако, не означал того, что в военное время всадники Конницы Кенгерли не могли быть вызваны на театр военных действий. Начало Восточной (Крымской) войны 1853-1856 гг. и открытие военных действий в Закавказье потребовало усиления войск Отдельного Кавказского корпуса в том числе и за счет местных милиционных или иррегулярных формирований. Для этого было решено на время войны призвать ополченцев из местных жителей, сформировав ополченческие сотни по территориальному (уездному) признаку и свести их в каждой губернии в конно-мусульманский полк в составе 5 сотен по образцу тех, которые были сформированы из азербайджанцев в русско-турецкую войну 1828-1829 гг. В Эриванской губернии ополченческий полк формировался следующим порядком: «всего приличнее сформировать полк

из трех сотен кенгерлинцев и двух сотен кочевых жителей Эриванского уезда, с тем чтобы в последние две сотни могли поступить охотники и из других уездов и чтобы каждая из этих двух частей имела особого начальника: первая – из Нахичеванских ханов, а последняя – из беков кочевых обществ» [1, т. XI, с. 673]. В итоге полк так и был сформирован, и в его составе кенгерлинские всадники под началом Исмаил-хана Нахчыванского (сына упоминавшегося выше Эхсан-хана) геройски воевали в составе Эриванского отряда генерал-лейтенанта барона К.К. Врангеля, прославив себя в ряде сражений [2, с. 46]. Таким образом, обособление кенгерлинцев в административном отношении в рамках гражданского ведомства в 1850 году не избавило их от выполнения обязанностей военной службы в военное время, поэтому автономия их была ограниченной, хотя в мирной жизни и играла весьма существенную роль. 🌟

Литература

- 1 Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: В 13-ти тт. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1866-1904.
2. Кузнецов О.Ю. Кенгерлинская конница // IRS-Наследие, 2012, № 3 (57), с. 42-46.

The article examines the evolution of the legal status of the Azerbaijani Kengerli tribe which inhabited the territory of the former Nakhchivan Khanate and some adjacent areas after its conquest by the Russian Empire in 1828. Until 1840, the tribe, which was noted for courage and loyalty to obligations, had conscription duty and performed in-kind and cash obligations of ordinary villagers, but the incident in 1837 when hundreds of tribesmen arrested an impostor Mullah from a crowd of fanatics drew the attention of the authorities to their extraordinary reputation among the local population, which enabled them to entrust the most sensitive issues to the Kengerli tribe. Therefore, special benefits were introduced to the Kengerli aimed at equaling their rights with those of the Cossacks. Finally, in 1851 they were exempted from military service and transferred into the category of a taxable estate, while their famous cavalry was subordinated to the civil administration and began to serve as police, border, customs and quarantine service in Nakhchivan district.